



ВЕСТНИК СВФУ

VESTNIK OF NORTH-EASTERN FEDERAL UNIVERSITY

**№ 3 (43)
2026**



**СЕРИЯ
«ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ»**

**SERIES
«SOCIAL SCIENCE»**

Сетевое издание

Издается с 2016 года. Средство массовой информации является продолжением средства массовой информации «ВЕСТНИК СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИМ. М. К. АММОСОВА СЕРИЯ «ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВО»

Издание выходит 4 раза в год

16+

3 (43) 2026

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ «ВЕСТНИКА СВФУ»

Главный редактор:

А.Н. Николаев, д. б. н.

Члены редакционной коллегии:

А. А. Бурыкин, д. филол. н., Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия; *Л. Г. Гольдфарб*, проф., Национальный институт неврологических заболеваний (NIH/NINDS) Национальных институтов здоровья США, г. Вашингтон; *С. А. Карабасов*, проф., Лондонский университет имени Королевы Мэри, Великобритания; *Санг-Ву Ким*, Ph.D., Пусанский национальный университет, Южная Корея; *В. В. Красных*, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия; *А. А. Петров*, д. филол. н., зам. директора Института народов Севера, Санкт-Петербург, Россия; *Л. Д. Раднаева*, д. филол. н., БГУ, Улан-Удэ, Россия; *Л. Сальмон*, проф., Генуэзский университет, Италия; *Дж. Судзуки*, проф., Университет Саппоро, Япония; *А. Н. Тихонов*, к. б. н., Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия; *Дж.-Хо Чо*, проф. Университет Мёнджи, Южная Корея; *В. И. Васильев*, д. ф.-м. н., проф.; *Н. Н. Гермогенов*, д. б. н.; *Ю. М. Григорьев*, д. ф.-м. н., проф.; *Н. Н. Ефремов*, д. филол. н.; *А. П. Исаев*, д. б. н.; *Г. Ф. Крымский*, д. ф.-м. н., проф., академик РАН; *И. И. Мордосов*, д. б. н., проф.; *П. В. Сивцева-Максимова*, д. филол. н., проф.; *Н. Г. Соломонов*, д. б. н., член-корр. РАН, проф.; *Г. Г. Филиппов*, д. филол. н., проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВО.

HISTORY. POLITICAL SCIENCE. LAW»:

Заместитель главного редактора, редактор серии: *А. А. Муталиева*, к. ю. н.

Выпускающий редактор: *А. А. Павлова*, к. ю. н.

Технический редактор: *Н. Ю. Печетова*, к. филол. н.

Члены редакционной коллегии серии:

Густав Вахтер, доктор права, проф., Инсбрукский университет имени Леопольда и Франца, Австрия; *Флориан Штаммлер*, научный сотрудник, Лапландский научный центр, Финляндия; *В. К. Андреев*, д. ю. н., проф., академик РАЕН, Российский государственный университет правосудия, Россия; *Л. В. Андреева*, д. ю. н., проф., Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, Россия; *Т. Б. Басова*, д. ю. н. проф., Дальневосточный федеральный университет, Россия; *Л. В. Бертовский*, д. ю. н., проф., МГУ имени М. В. Ломоносова, Россия; *П. В. Гоголев*, д. ю. н., проф., СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *А. М. Дроздова*, д. ю. н. проф., Северо-Кавказский федеральный университет, Россия; *В. В. Кванина*, д. ю. н., проф., Южно-Уральский государственный университет, Россия; *М. Е. Колесникова*, д. и. н., проф., Северо-Кавказский федеральный университет, Россия; *К. Г. Мальхин*, д. и. н. проф., Южный федеральный университет, Россия; *А. Ю. Мамычев*, д. пол. н., проф., МГУ имени М. В. Ломоносова, Россия; *Т. С. Минаева*, д. и. н., проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Россия; *Д. Н. Миронов*, д. ю. н., проф., СВФУ им. М. К. Аммосова, Россия; *А. В. Соколов*, д. полит. н., доц., Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Россия; *Н. Н. Радченко*, к. и. н., доц., СВФУ им. М. К. Аммосова, Россия; *Н. А. Стручкова*, к. и. н., доц., СВФУ им. М. К. Аммосова, Россия; *Н. С. Тимофеев*, д. ю. н., проф., МГУ имени М. В. Ломоносова, Россия; *А. Е. Шапаров*, д. пол. н., проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Россия; *А. С. Шаталов*, д. ю. н. проф., Московская академия Следственного комитета РФ, Россия.

Адрес учредителя и издателя:

Россия, Республика Саха (Якутия), 677000, г. Якутск, ул. Белинского, д. 58.

Адрес редакции:

Россия, Республика Саха (Якутия), 677027, г. Якутск, ул. Кулаковского, д. 42, каб. 367.

Юридический факультет Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова.

E-mail: ippvestnik@gmail.com

Сайт редакции: <https://histvf.uelpub.ru/jour/>

VESTNIK OF NORTH-EASTERN FEDERAL UNIVERSITY
«SOCIAL SCIENCE» SERIES

Online publication

Published since 2016. The mass media is a continuation of the mass media VESTNIK OF NORTH-EASTERN FEDERAL UNIVERSITY «HISTORY. POLITICAL SCIENCE. LAW» SERIES

Published 4 times a year

3 (43) 2026

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief *A. N. Nikolaev*, Doctor of Biological Sciences

Members of the editorial board:

A. A. Burykin, Dr. Sci. Philology, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russian Federation; *L. G. Goldfarb*, Prof., the National Institute of Neurological Diseases (NIH/NINDS) of the National Institutes of Health of the USA, Washington; *S. A. Karabasov*, Prof., Queen Mary University of London, Great Britain; *Sang-Woo Kim*, Dr. Sci. Philosophy, Pusan National University, Republic of Korea; *V. V. Krasnykh*, Prof., M. V. Lomonosov Moscow State University, Russian Federation; *A. A. Petrov*, Dr. Sci. Philology, Vice Director, Institute of the Peoples of the North, Saint Petersburg, Russian Federation; *L. D. Radnayeveva*, Dr. Sci. Philology, Buryat State University, Ulan Ude, Russian Federation; *L. Salmon*, Prof., University of Genoa, Italy; *J. Suzuki*, Prof., Sapporo University, Japan; *A. N. Tikhonov*, Cand. Sci. Biology, RAS Zoological Institute, Saint Petersburg, Russian Federation; *J.-H. Cho*, Prof., Myongji University, South Korea; *V. I. Vasiliev*, Dr. Sci. Physics & Mathematics, Prof.; *N. N. Germogenov*, Dr. Sci. Biology; *Yu. M. Grigoriev*, Dr. Sci. Physics & Mathematics, Prof.; *N. N. Yefremov*, Dr. Sci. Philology; *A. P. Isayev*, Dr. Sci. Biology; *G. F. Krymskiy*, Dr. Sci. Physics & Mathematics, Acad. RAS, Prof.; *I. I. Mordosov*, Dr. Sci. Biology, Prof.; *P. V. Sivtseva-Maksimova*, Dr. Sci. Philology, Prof.; *N. G. Solomonov*, Dr. Sci. Biology, Corr. Member RAS, Prof.; *G. G. Philippov*, Dr. Sci. Philology, Prof.

THE EDITORIAL BOARD SERIES

Deputy Editor-in-Chief, editor of the series: *A. A. Mutalieva*, Cand. of Law.

Production Editor: *A. A. Pavlova*, Cand. of Law.

Technical Editor: *N. Yu. Pechetova*, Cand. of Philology.

The members of the series' editorial board:

Dr. Gustav Wachter, Professor, University of Innsbruck, Austria; *Florian Stammer*, Research Professor, Arctic Center, University of Lapland, Finland; *V. K. Andreev*, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Russian State University of Justice, Russia; *L. V. Andreeva*, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Kutafin Moscow State Law University, Russia; *T. B. Basova*, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Far Eastern Federal University, Russia; *L. V. Bertovsky*, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University, Russia; *P. V. Gogolev*, Doctor of Juridical Sciences, Professor, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russia; *A. M. Drozdova*, Doctor of Juridical Sciences, Professor, North-Caucasus Federal University, Russia; *V. V. Kvanina*, Doctor of Juridical Sciences, Professor, South Ural State University, Russia; *M. E. Kolesnikova*, Doctor of Historical Sciences, Professor, North-Caucasus Federal University, Russia; *K. G. Malykhin*, Doctor of Historical Sciences, Professor, Southern Federal University, Russia; *A. Y. Mamychev*, Doctor of Political Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University, Russia; *T. S. Minaeva*, Doctor of Historical Sciences, Professor, M. V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Russia; *D. N. Mironov*, Doctor of Juridical Sciences, Professor, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russia; *A. V. Sokolov*, Dr. Sci. (Political), Associate Professor, Demidov Yaroslavl State University, Russia; *N. N. Radchenko*, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russia; *N. A. Struchkova*, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russia; *N. S. Timofeev*, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University, Russia; *A. E. Shaparov*, Doctor of Political Sciences, Professor, M. V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Russia; *A. S. Shatalov*, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Moscow Academy of the Investigative Committee of the RF, Russia.

Founder and publisher address:

the North-Eastern Federal University, 58 Belinskogo st., Yakutsk, Russia, 677000

Editorial Office address: 367 off., 42 Kulakovskogo st., Yakutsk, Russia, 677027.

E-mail: ippvestnik@gmail.com

Faculty of Law of M. K. Ammosov North-Eastern Federal University

<https://histvf.uelpub.ru/jour>

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВО

<i>Ефимова М.П.</i> Мобильный кризисный центр по оказанию помощи семье, защите прав пострадавших от жестокого обращения в семье и насилия	5
<i>Корякина З.И.</i> Реализация права на научное творчество и его свободу (часть 1)	12
<i>Павлова А.А.</i> Защита отношений в сфере спорта: разграничение дисциплинарных и уголовно наказуемых нарушений	20

ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>Григорьев Н.А.</i> Институциональные основы реализации региональной политики в России	28
--	----

CONTENTS

LAW

<i>Efimova Maria. P.</i> Mobile crisis center for providing assistance to families and protecting the rights of victims of domestic abuse and violence	5
<i>Koryakina Zinaida I.</i> Realization of the right to scientific creativity and its freedom (part one)	12
<i>Pavlova Arzulana A.</i> Protection of Relations in the Sphere of Sports: Distinguishing between Disciplinary Offenses and Criminal Offenses	20

POLITICAL SCIENCES

<i>Grigoriev Nurgun A.</i> Institutional Foundations for the Implementation of Regional Policy in Russia	28
--	----

– ПРАВО –

УДК 343.9

<https://doi.org/10.25587/2587-5612-2026-3-5-11>

Оригинальная научная статья

Мобильный кризисный центр по оказанию помощи семье, защите прав пострадавших от жестокого обращения в семье и насилия

М.П. Ефимова

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск, Российская Федерация
✉ prometeevna@mail.ru

Аннотация. Семья как социальная группа требует повышенной правовой и социальной защиты. Взаимосвязь преступности и дисфункции института семьи прослеживается в механизме противоправного поведения личности. Глобальные изменения в политической, военной, экономической, социальной и других сферах деятельности Российского государства, происходящие в 20-е годы XXI века, неизбежно отражаются не только на социально-экономическом положении общества, но и на духовно-нравственном состоянии, что будет напрямую коррелировать с динамикой преступности. Наиболее значимыми криминологическими проблемами в связи с этим становятся значительный рост малоимущих семей; увеличение числа детей, оставшихся без попечения родителей; снижение социальной роли семьи в обществе, падение ее воспитательного потенциала; повышение конфликтности в межличностных отношениях; разрушение сложившихся семейных ценностей.

Ключевые слова: семья, жестокое обращение, насилие, профилактика, помощь, кризисная служба.

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки.

Для цитирования: Ефимова М.П. Мобильный кризисный центр по оказанию помощи семье, защите прав пострадавших от жестокого обращения в семье и насилия. Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Серия «Общественные науки. Social science»*. 2026, № 3(43): С. 5-11. DOI: 10.25587/2587-5612-2026-3-5-11

Original article

Mobile crisis center for providing assistance to families and protecting the rights of victims of domestic abuse and violence

Efimova Maria. P.

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University
Yakutsk, Russian Federation
✉ prometeevna@mail.ru

Abstract. The family as a social group requires enhanced legal and social protection. The relationship between crime and the dysfunction of the family institution is evident in the mechanism of an individual's

unlawful behavior. The global changes in the political, military, economic, social, and other spheres of the Russian state's activities, which are taking place in the 2020s, inevitably affect not only the socio-economic situation of society but also its spiritual and moral state, which will be directly correlated with the dynamics of crime. The most significant criminological problems in this context are the significant increase in the number of low-income families; the growing number of children left without parental care; the decline in the social role of the family in society and its educational potential; the rise in conflict in interpersonal relationships; and the erosion of established family values.

Keywords: family, abuse, violence, prevention, assistance, crisis service.

Funding. No funding was received for writing this manuscript.

For citation: Efimova Maria. P. *Criminogenic determinants of violent behavior in the sphere of family relations. Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Vestnik of North-Eastern Federal University. Серия «Общественные науки. Social science». 2026, № 3(43): С. 5-11. DOI: 10.25587/2587-5612-2026-3-5-11*

Введение

В настоящее время отсутствует рациональный механизм противодействия насильственным посягательствам в семье, наблюдается слабое взаимодействие субъектов профилактики общественно опасного поведения в сфере семейных отношений, не создана эффективная комплексная система реабилитации жертв насилия. Реализуемые меры профилактики носят разрозненный характер и направлены на решение отдельных проблем, например на оказание помощи социально неблагополучным семьям. Как показывает практика, насилие характерно и для семей, формально относящихся к благополучным, что свидетельствует о несовершенстве механизма раннего выявления семей, нуждающихся в наблюдении со стороны субъектов профилактики. Для оценки сложившейся ситуации необходим глубокий и всесторонний анализ действующего законодательства, регламентирующего основы противодействия семейному насилию, судебной и иной правоприменительной практики в целях совершенствования института противодействия общественно опасным посягательствам в сфере семейных отношений.

Материалы и методы

Материалы включают исследования по криминологии, социологии, психологии, антропологии, философии, культурологии. Методологической основой исследования выступил всеобщий диалектический метод познания, позволивший сформировать понимание социально-правовых явлений в их развитии и взаимосвязи, повлиявших на формирование и развитие теории криминологического противодействия общественно опасному поведению членов семейного сообщества. Общенаучные методы (анализ и синтез, обобщение, аналогия, индукция и дедукция) способствовали изучению предметной области исследования, выработке понятийного аппарата и содержания механизма противодействия общественно опасному поведению лиц в сфере семейных отношений. Использовались также частнонаучные методы исследования: формально-логический, системно-структурный и социологический методы, методы сравнительного анализа. Из конкретно-социологических методов применялись анализ документов, экспертные оценки, статистические методы. Формально-логический метод применялся при обосновании авторской позиции по основным выводам исследования. Системно-структурный метод использовался при систематизации знаний о криминологическом воздействии на внутрисемейное насилие. С помощью конкретно-социологических методов получена информация об основных проблемах в деятельности субъектов профилактики противоправного поведения в сфере семейных отношений и намечены пути их решения, а также сформирована эмпирическая база исследования.

Результаты исследования

Взаимосвязь преступности и дисфункции института семьи можно проследить в механизме противоправного поведения личности. Глобальные изменения в политической, военной, экономической, социальной и других сферах деятельности российского государства, произошедшие в последние годы, неизбежно отразились не только на социально-экономическом, но и на духовно-нравственном состоянии общества, что будет напрямую коррелировать с динамикой преступности. Наиболее значимыми криминологическими проблемами в этой связи становятся значительный рост малоимущих семей, увеличение числа детей, оставшихся без попечения родителей, снижение социальной роли семьи в обществе, падение её воспитательного потенциала, повышение конфликтности в межличностных отношениях, разрушение сложившихся семейных ценностей. И хотя некоторые исследователи считают, что объем, структура и удельный вес семейного насилия позволяет сделать вывод, что несемейное насилие имеет существенно большие масштабы, а его характер обуславливает большую опасность, нельзя отрицать, что реальные масштабы семейного насилия способны существенным образом повлиять на динамику этих видов преступных посягательств.

Семья и традиционные семейные ценности, такие как любовь, уважение, доброта, забота, взаимопонимание, доверие, выступают залогом благополучной личности. Семья как базовая ячейка общества выполняет важнейшие социальные функции: играет особую роль в жизни индивида, его защите, становлении личности, удовлетворении духовных потребностей. Семья выступает уникальным социальным институтом, именно в семье закладываются фундаментальные духовно-нравственные ценности, передающиеся следующему поколению. Институт семьи имеет огромный потенциал воздействия на процессы общественного развития, одновременно являясь и социальным регулятором общественно опасного поведения личности.

Современное состояние семейного насилия заставляет задуматься об эффективности государственной семейной политики, в частности деятельности, осуществляемой субъектами профилактики общественно опасного поведения в семье.

Насилие в сфере семейных отношений – это противоправное поведение члена семьи, выражающееся в физическом, психическом и ином воздействии на других участников семейных отношений, часто включающее жестокое обращение, влекущее причинение (создающее угрозу причинения) различного вида вреда, обладающее характерными особенностями, отличающими его от других насильственных посягательств в силу специфики имеющихся отношений между субъектом и жертвой указанных деяний, что оказывает существенное влияние на распространенность исследуемого явления.

С. Ф. Милоков указывает, что известная допустимость насилия в семье обусловлена ее назначением как производственно-бытовой ячейки общества, возникшей на определенном этапе эволюции человечества [1, с. 38]. Я. И. Гилинский, исследуя природу социального насилия, отмечает, что насилие – лишь одна из форм онтологически нерасчлененной человеческой деятельности по удовлетворению потребностей [2, с. 24]. В. С. Харламов определяет насилие как естественное и необходимое качество общественной жизни. Без насилия невозможен общественный прогресс, который основан на борьбе противоположностей [3, с. 116].

Анализ уголовных дел о преступлениях, связанных с насильственными посягательствами в семье, позволяет сделать вывод о том, что внутрисемейное насилие носит длительный характер, отличается цикличностью и высокой латентностью, что затрудняет его раннее

выявление субъектами профилактики. Реализуемые меры профилактики носят разрозненный характер и направлены на решение, в частности, материальных проблем семьи. Исследование показало, что насилие характерно и для семей, формально относящихся к благополучным, что свидетельствует о несовершенстве механизма раннего выявления семей, нуждающихся в наблюдении со стороны субъектов профилактики [4].

Для оценки сложившейся ситуации был проведен всесторонний анализ действующего законодательства, регламентирующего основы противодействия семейному насилию, судебной и иной правоприменительной практики в целях совершенствования института противодействия общественно опасным посягательствам в семье. Анализ полномочий, функций и задач субъектов профилактики противоправного поведения в семье выявил проблемы их практической реализации. Отсутствие единого стандарта по оказанию комплексной помощи пострадавшим, рассогласованность действий субъектов межведомственного сотрудничества по вопросам профилактики, дублирование функций органов и учреждений, оказывающих экстренную помощь пострадавшим, отсутствие единой концепции по противодействию насильственным посягательствам в семье приводят к снижению эффективности мер криминологического воздействия.

Анализ деятельности учреждений в России, осуществляющих помощь пострадавшим от семейного насилия и семьям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, показал, что успешное противодействие семейному насилию возможно в консолидации совместных усилий государственных органов и учреждений, органов местного самоуправления с институтами гражданского общества. Необходимо на законодательном уровне урегулировать совместную деятельность указанных субъектов, направленную на профилактику семейного насилия и оказание помощи жертвам.

Исследователи указывают на необходимость принятия единого федерального закона, который будет регламентировать «правовые основы психологической деятельности: обеспечена унификация квалификационных требований; закреплены правовые основы регулирования деятельности психологов и юридических лиц, оказывающих психологическую помощь; определены принципы, виды и формы этой деятельности» [5, с. 152]. В связи с этим одним из приоритетных направлений специально-криминологического предупреждения должна стать разработка специальных программ, направленных на борьбу с негативными видами зависимостей (алкогольной, наркотической), детерминирующих совершение некоторых видов преступлений [6, с. 544].

Мы отмечаем целесообразность создания Многофункционального кризисного центра по вопросам защиты семьи и детей (МКЦ).

МКЦ – это юридическое лицо, выполняющее функции информационно-справочной, организационной, психологической службы по вопросам семьи, защиты прав пострадавших от жестокого обращения в семье и насилия.

Функции МКЦ:

- 1) информационно-разъяснительная работа о направлениях и мерах государственной семейной политики;
- 2) содействие в оказании социальной, юридической и психологической помощи семьям при разрешении семейных конфликтов;
- 3) оказание помощи жертвам семейного насилия с возможностью их временного проживания, дальнейшей реабилитации и социализации;
- 4) взаимодействие с исполнительными органами, организациями, гражданами по вопросам реализации государственной семейной политики, криминологического предупреждения семейного насилия;

5) мониторинг количества потенциально криминогенно опасных семей на основании информации, полученной от органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации;

6) организация работы рабочих групп по организации оказания помощи семьям, находящимся в трудной жизненной ситуации, при участии органов образования, здравоохранения, территориальных органов МВД России в пределах своей компетенции.

Деятельность МКЦ финансируются за счет бюджетных средств и иных источников.

Предлагаем внедрить комплексный подход уполномоченных органов с обязательным к исполнению алгоритмом. При наличии в семье лица с потенциально опасным поведением межведомственная комиссия, состоящая из представителей правоохранительных органов, органов исполнительной власти, местного самоуправления, принимает решение о постановке такой семьи на учет, официально признавая ее «потенциально криминогенно опасной семьей».

Потенциально криминогенно опасная семья выступает как совокупность дисфункций, обладающая способностью генерировать деструктивное поведение ее членов, препятствует усвоению положительных ценностных ориентаций, что способствует становлению личности с антиобщественными установками, обуславливает совершение насильственных посягательств и виктимизацию членов семьи, предопределяя семью объектом криминологического воздействия и предполагая разработку специфических мер противодействия семейному насилию.

Для работы с такой семьей подключаются:

- участковые уполномоченные полиции (ведут контроль за членами семьи, а также разъяснительную и профилактическую работу);
- инспекторы подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел (проводят разъяснительную и профилактическую работу с несовершеннолетними членами семей, контролируют образовательные организации, где обучаются несовершеннолетние члены семьи);
- органы опеки и попечительства (ведут профилактическую работу с семьями, принимают меры по оказанию комплексной помощи несовершеннолетним членам семьи);
- органы образования и специально привлеченные общественные организации (в целях профилактики реализуют просветительскую, культурно-массовую деятельность и т. п.);
- МКЦ оказывают консультативную, психологическую помощь и т. д., содействуют в получении качественной медицинской помощи;
- НКО, волонтеры, например, по организации досуга детей, семей и др.

Как показывает практика, при выявлении положительной динамики «кризисная семья» выпадает из наблюдения. Однако, насилие – это цикличное явление, поэтому необходим постоянный контроль семьи: так «опасный уровень» предполагает постоянное наблюдение, «удовлетворительный уровень» – периодическое наблюдение.

Для предупреждения насильственного поведения необходимо разработать единый стандарт оказания помощи пострадавшим от жестокого обращения в семье и насилия. На данном этапе стоит потребность в формировании единых стандартов реагирования в подобных ситуациях.

Заключение

Анализ полномочий, функций и задач субъектов профилактики противоправного поведения в семье выявил проблемы их практической реализации. Отсутствие единого стандарта по оказанию комплексной помощи пострадавшим, рассогласованность действий субъектов межведомственного сотрудничества по вопросам профилактики, дублирование

функций органов и учреждений, оказывающих экстренную помощь пострадавшим, отсутствие единой концепции по противодействию насильственным посягательствам в семье приводят к снижению эффективности мер криминологического воздействия. Можно обозначить имеющиеся проблемы социально-экономического, правового характера, низкий уровень либо отсутствие взаимодействия между субъектами профилактики, формализм в работе государственных и муниципальных структур, отсутствие «идейных кадров» в указанных органах, отсутствие единого стандарта к оказанию помощи жертвам жестокого обращения в семье и насилия.

Литература

1. Милуков С. Ф. Правомерное насилие в ракурсе глобального кризиса семьи // Криминология вчера, сегодня, завтра. – 2020. – № 1 (56). С. 38–41.
2. Гилинский Я. И. Социальное насилие. – 2-е издание, исправленное и дополненное. – Санкт-Петербург : Алетей, 2017. – 212 с.
3. Харламов В. С. Теория и практика противодействия преступному насилию в семье (системное криминологическое и уголовно-правовое исследование) : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук : 12.00.08 / Харламов Валентин Станиславович. – Санкт-Петербург, 2018. – 718 с.
4. Ефимова М.П. Криминологический анализ насилия в сфере семейных отношений: теория и практика противодействия : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 5.1.4 / Ефимова Мария Прометеевна. – Санкт-Петербург, 2025. – 291 с.
5. Голиченков А. К., Вайпан В. А., Давидян Г. М. О необходимости принятия федерального закона психологической помощи // Национальный психологический журнал. – 2018. – № 1 (29). – С. 151–157.
6. Кононыхина Т. С., Репецкая А. Л. Противодействие современной женской преступности специальными-криминологическими средствами // Академический юридический журнал. – 2023. – Т. 24, № 4. – С. 542–549.

References

1. Milyukov S. F. Legitimate violence in the context of the global family crisis // Criminology of yesterday, today, tomorrow. – 2020. – № 1 (56). Pp. 38–41.
2. Gilinsky Ya. I. Social violence. – 2nd edition, revised and expanded. – St. Petersburg : Aleteya, 2017. 212 p.
3. Kharlamov V. S. Theory and practice of countering criminal violence in the family (systematic criminological and criminal law research) : dissertation for the degree of Doctor of Law : 12.00.08 / Kharlamov Valentin Stanislavovich. – Saint Petersburg, 2018. – 718 p.
4. Efimova M.P. Criminological analysis of violence in the sphere of family relations: theory and practice of counteraction : dissertation for the degree of Candidate of Law sciences : 5.1.4 / Efimova Maria Prometeevna. – St. Petersburg, 2025. – 291 p.
5. Golichenkov A. K., Vaipan V. A., Davidyan G. M. On the need to adopt a federal law on psychological assistance // National Psychological Journal. – 2018. – № 1 (29). – Pp. 151–157.
6. Kononikhina T. S., Repetskaya A. L. Countering modern female criminality by special criminological means // Academic Law Journal. – 2023. – Vol. 24, No. 4. – pp. 542–549.

Об авторе

ЕФИМОВА Мария Прометеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, юридический факультет, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, e-mail: prometeevna@mail.ru

About the author

EFIMOVA Maria Prometeevna – Cand. Sci. (Law), Associate Professor at the Department of Criminal Law Disciplines, Faculty of Law, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, e-mail: prometeevna@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares that he has no conflict of interest.

Поступила в редакцию / Received 13.07.2026

Поступила после рецензирования/ Revised 17.08.2026

Принята к публикации / Accepted 14.09.2026

УДК 340.132

<https://doi.org/10.25587/2587-5612-2026-3-12-19>

Оригинальная научная статья

Реализация права на научное творчество и его свободу (часть 1)

З.И. КорякинаСеверо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск, Российская Федерация

✉ Z_koryakina@mail.ru

Аннотация. В статье (первой части) изложены теоретико-правовые аспекты реализации права на научное творчество и его свободу. Во второй части будут рассмотрены практические аспекты, предложен алгоритм реализации права на научное творчество (основания возникновения, субъекты, структура, права и обязанности, пределы осуществления, ответственность). В условиях меняющегося правового регулирования науки и научно-технической политики возникают новые, требующие конкретизации вопросы реализации права на научное творчество. С учетом того, что каждый полученный при этом научный результат как продукт творчества требует индивидуализации, правовой охраны, распространения, освоения и т.д., у носителей этого права возникает комплекс прав, обязанностей и законных интересов лиц. Особенно важны эти права в тех случаях, когда определяется ответственность и необходимо выделить основания для привлечения, соответственно, четкие ориентиры пределов осуществления права на научное творчество, за рамки которых нельзя выходить.

Ключевые слова: наука, научное творчество, право, субъекты, свобода, права и обязанности, научно-техническая политика, научно-техническая деятельность, правовое регулирование, управление, реализация.

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки.

Для цитирования: Корякина З.И. Реализация права на научное творчество и его свободу (часть 1). *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Vestnik of North-Eastern Federal University. Серия «Общественные науки. Social science».* 2026, № 3(43): С. 12-19. DOI: 10.25587/2587-5612-2026-3-12-19

Original article

Realization of the right to scientific creativity and its freedom (part 1)

Zinaida I. KoryakinaM.K. Ammosov North-Eastern Federal University,
Yakutsk, Russian Federation

✉ Z_koryakina@mail.ru

Abstract. This article (Part One) examines the theoretical and legal aspects of the implementation of the right to scientific creativity and its freedom. Part Two will address practical aspects and propose an algorithm for the realization of the right to scientific creativity, covering the grounds for its emergence, subjects, structure, rights and obligations, limits of exercise, and liability. In the context of the evolving legal regulation of science and scientific-technical policy, new issues concerning the implementation of the right to scientific creativity are arising, which require further specification. Given that each scientific result obtained as a product of creativity necessitates individualization, legal protection, dissemination, assimilation, etc., the holders of this right acquire a complex set of rights, obligations, and legitimate interests. These rights are particularly significant when determining liability and when it becomes necessary to identify the grounds for prosecution, as well as to establish clear benchmarks for the limits of exercising the right to scientific creativity, beyond which one may not proceed.

Keywords: science, scientific creativity, right, subjects, freedom, rights and obligations, scientific-technical policy, scientific-technical activity, legal regulation, management, implementation.

Funding. No funding was received for writing this manuscript.

For citation: Zinaida I. Koryakina. Realization of the right to scientific creativity and its freedom (part 1). Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Vestnik of North-Eastern Federal University. Серия «Общественные науки. Social science». 2026, № 3(43): С. 12-19. DOI: 10.25587/2587-5612-2026-3-12-19

Введение. В современных условиях научно-технологического развития Российской Федерации одной из актуальных тем является свобода научного творчества и комплекс связанных с ней прав, реализуемых с учетом установленных законодательством требований. Вопросы об этом приобретают особое значение также и в связи с тем, что необходим человеческий капитал, трудовой ресурс, сформированный путем вовлечения молодых кадров в науку, повышения привлекательности профессии ученого. Как и любая сфера деятельности, научное творчество включает разного рода правоотношения, состоящие из прав и законных интересов, обязательств, пределов свободы и гарантий. Дифференцировать виды и специфику этих правоотношений можно исходя из оснований реализации прав и свобод, законных интересов, имеющих свою структуру, содержание, цели и задачи. Одним из основных особенностей трансформации правового регулирования науки является то, что право на научное творчество более не является сугубо частным интересом, регулируемым преимущественно в рамках гражданско-правовых отношений. Поскольку требования обеспечения технологического суверенитета страны все чаще проникают в сферу научных исследований, охватывая публично-правовые интересы и переходя в государственно-правовые отрасли, такие как конституционное, административное, уголовное, международное и т.д., поскольку, таким образом, формируются направления государственной научно-технической политики. «Усиление конкурентной борьбы в научно-технологической сфере и масштаб влияния научно-технологического фактора на экономическое развитие принципиально меняет роль государственного участия в этом процессе» [1, с. 13]. Поэтому за последние годы заметна активизация нормативно-правовой регламентации в части обеспечения научно-технологического развития, тем самым государство не только признает свободу науки, но и возлагает на себя обязательства регулирования, последовательно расширяя основания вмешательства в исследовательскую деятельность. В этой связи считаем важным раскрыть право на научное творчество с точки зрения его реализации.

Материалы и методы. В ходе исследования использовались сравнительный, логико-юридический и метод теоретико-правового описания, методы системного исследования и моделирования в праве. Применение указанных методов основывалось на их сочетании с логическими методами (индукцией, дедукцией, анализом, синтезом, гипотезой, аналогией).

Обсуждение. В научных источниках свободу научного творчества рассматривают как основной фактор обеспечения технологического суверенитета. При этом отмечается, что для реализации права на науку не уделяется сколько-нибудь заметного внимания в рамках той работы по обеспечению технологического суверенитета России, которая ведется российскими органами законодательной и исполнительной власти [2, с. 24], а «неопределенность границ конституционного права на свободу творчества приводит к злоупотреблению этим правом» [3, с. 2].

Право на научное творчество как основание для участия в правовых отношениях вытекает из его свободы, установленной в части 1 статьи 44 Конституции РФ. Несмотря на многие объединяющие признаки и тот факт, что в юридической литературе эти понятия зачастую рассматриваются как единое составляющее, между понятиями «право на свободу научного творчества» и «право на научное творчество» имеются следующие отличия.

Право на свободу это более широкое понятие, имеет конституционное происхождение, статус всеобщей декларируемой правовой ценности, гарантируемой и охраняемой законодательством. Право на научное творчество, являясь частью этой свободы, обозначает доступ человека к праву на осуществление научных исследований, занятие научно-исследовательской и (или) научно-технической деятельностью, создание в рамках нее конкретных результатов, обладающих новизной, их распространение и использование. Поскольку «творчество всегда связано с уникальностью результата, его новизной» [4, с. 10], «науку и инновации сближает то обстоятельство, что они по своей сущности представляют разновидности творческой деятельности» [5, с. 6].

Право на свободу научного творчества в конституционно-правовом измерении рассматривается как свобода выбора темы исследований, методов, направлений, а также независимость ученого от внешнего давления и незаконного вмешательства. Это право включает в себя защиту от вмешательства государства и иных субъектов в научный поиск, а также обязательство государства создавать условия для развития науки, устанавливать в законодательстве гарантии для его реализации.

Право на занятие научным творчеством дает возможность каждого лица осуществлять научную деятельность, быть исследователем, вступать в научные организации и распространять свои научные результаты во благо, принимать меры к защите своих научных прав и законных интересов, реализовывать профессиональные компетенции, стремиться их развивать. Здесь акцент делается на доступности самой деятельности (образование, допуск к профессии, информации, отсутствие дискриминации), а не только на степени свободы внутри нее.

Право на свободу научного творчества понимается как естественное право, один из видов классической свободы человека, предусмотренной Конституцией РФ для того, чтобы каждый, кто желает им заняться, осознавал свою независимость как исследователь и смог воспользоваться установленными для этого правами. Так, отмечается, что «свобода научно-технического творчества имеет естественно-правовую природу и присуща каждому с момента рождения» [6, с. 18], «тяга к творчеству вытекает из самой природы личности, поэтому право на свободное занятие творческой деятельностью относится к естественным правам человека [7, с. 115].

Между тем, проведенное нами исследование о правовом регулировании участия субъектов – физических лиц в научной и (или) научно-технической деятельности показало, что законодательство о науке не определяет их перечень, за исключением работников научных организаций. В этой связи возникает вопрос о том, кто вправе из категории физических лиц заниматься научной деятельностью и в каких пределах, существуют ли ограничения и должны ли быть установлены конкретные для этого профессиональные компетенции либо нет. Предметом анализа явилось законодательство об образовании, подготовке научных и научно-педагогических кадров, а также науке и научно-технической политике, научные источники. На основе предложенной нами классификации субъектов – физических лиц, участвующих в научной и (или) научно-технической деятельности, приводится правовая характеристика каждого в отдельности, отсылающее к праву на научное творчество [8; 9].

В свете непрерывного преобразования сферы науки и высшего образования в РФ, объявления науки как главного драйвера для обеспечения технологического суверенитета государства, очень важно уточнить механизм реализации права каждого на научное творчество, а именно:

– субъекты реализации права на научное творчество;

- правосубъектность (возраст, социальная группа, иностранное гражданство, образование, компетенции, статус физического либо юридического лица);
- ограничения свободы права на научное творчество (этические, правовые, меры юридической ответственности);
- основания возникновения и прекращения права на научное творчество, правовое оформление.

Право на свободу научного творчества получило свое нормативно-правовое закрепление в Федеральном законе от 23.08.1996 N 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике». В части 2 статьи 3 этого закона нормы о данном праве развиваются в контексте полномочий органов государственной власти, установленных с целью обеспечить его реализацию. Так, в ней указано, что органы государственной власти Российской Федерации гарантируют субъектам научной и (или) научно-технической деятельности свободу творчества, предоставляя им, право выбора направлений и методов проведения научных исследований и экспериментальных разработок; признают право на обоснованный риск в научной и (или) научно-технической деятельности; обеспечивают свободу доступа к научной и научно-технической информации, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации в отношении государственной, служебной или коммерческой тайны; гарантируют финансирование проектов, выполняемых по государственным заказам.

Данная норма, исходя из того, что идет через призму деятельности органов власти, входит в понятие обеспечения и применения, являющихся основными частями реализации любого права. Любой комплекс прав невозможен в реализации без создания для этого необходимых условий, поэтому обеспечение права – создание должных юридических и фактических возможностей для претворения права в жизнь [10, с. 194].

Право на свободу научного творчества в законодательстве о науке и научно-технической политике возведен в ранг норм-принципов, которые являются ведущими и основополагающими правилами, разъясняющими кратко всю юридическую и социальную суть функционирования правового акта. С их помощью должно быть не сложно определить базовые правовые ценности, которыми следует руководствоваться при применении. Согласно ч. 1 и 3 ст. 7 данного закона к принципам управления научной и (или) научно-технической деятельностью относится принцип управления научной и (или) научно-технической деятельностью в пределах, не нарушающих свободу научного творчества. «Свобода научного творчества предполагает наличие у ученых, исследователей и изобретателей возможности свободного выражения своих идей, разработки и проверки гипотез без государственного вмешательства или ограничения со стороны третьих лиц. Это является основополагающим фактором для стимулирования научной деятельности и инновационных процессов, поскольку способствует развитию творческого потенциала и обеспечивает условия для проведения исследований и экспериментов» [11, с. 85].

На основании этого принципа безусловной оказывается недопустимость применения необоснованного вмешательства и ограничения, оказания давления, принуждения, ущемления прав и свобод субъектов, осуществляющих научную деятельность. И, разумеется, эта свобода заканчивается там, где начинается злоупотребление ею, создаётся угроза причинения вреда охраняемым законом интересам и безопасности. Поэтому данный принцип необходимо рассматривать в корреляции с другими нормами этого же закона, например, ст. 10, в которой установлены такие ограничения. Пределы, т.е. ограничения свободы научного творчества, установленные законодательством, носят этический и деликтный характер, а также могут стать объектом правонарушений. Например, «научные работники не долж-

ны нарушать права и свободы человека и не должны наносить вред его жизни, здоровью и окружающей среде, обязаны осуществлять экспертизы научных и научно-технических программ и проектов, научных и (или) научно-технических результатов и экспериментальных разработок руководствуясь принципом объективности. Поэтому, в научной деятельности должны сочетаться с одной стороны – свобода научного творчества, а с другой – ответственность научных работников» [12, с. 170].

Статья 3 данного закона также указывает, что научная и (или) научно-техническая деятельность осуществляется в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, определяя его как базовый, основной источник регулирования права на научное творчество и его свободу. «Механизм реализации прав и свобод представляет собой комплекс юридических действий, что позволяет считать его процессуально-правовым порядком» [13]. Между тем, в данном источнике недостаточно четко прописана процессуальная часть осуществления такой деятельности, хотя при этом любые материально-правовые нормы нуждаются в описании порядка их реализации.

Что касается отраслевого законодательства, то в пример можно привести статью 1274 Гражданского кодекса РФ, посвященную «Свободное использование произведения в информационных, научных, учебных или культурных целях», в нормах которой затронута свобода научного творчества. В других источниках, например в Законе об образовании, нормы, посвященные сугубо праву на научное творчество и его свободу, отсутствуют (за исключением косвенных).

Реализация любого права обладает своими особенностями, для более верного представления об этом необходимо определить ее механизм. Механизм реализации любого права состоит из следующих элементов:

- основание возникновения права (правоотношения);
- использование права (действие в рамках дозволенного).
- обеспечение условий для реализации права (применение, исполнение, соблюдение).

Начальными элементами реализации права являются два неперенных условия: первое – юридическая норма и второе – социальная ситуация, к которой данная юридическая норма непосредственно относится. Конечный же результат этой реализации – достижение социальных целей [14, с. 13].

В зависимости от характера действий субъектов, степени их активности и направленности принято выделять следующие формы реализации права: соблюдение, исполнение, использование и применение [15, с. 95].

Под соблюдением права на научное творчество мы понимаем осознание лицом важности своего правомерного поведения, недопущения противоправных деяний, воздержания от поступков, запрещенных законодательством. Все, кто занят в сфере научного творчества, обязаны соблюдать законодательство, разница в пределах этого обязательства может зависеть от таких факторов, как возраст, дееспособность, иные психофизиологические особенности, статус.

Исполнение права на научное творчество – это совершение активных действий, конкретных поступков во исполнение возложенных на лицо юридических предписаний, нередко представленных в виде обязанностей. Зачастую эти отношения находят свое применение в сфере профессиональных, трудовых, грантовых, экспертных и иных отношений, когда на лиц, занимающихся научно-исследовательскими работами, возлагаются определенные законом либо оговоренные в договорных условиях обязательства. Например, госслужащим запрещено заниматься любой другой оплачиваемой деятельностью за исключением научной и преподавательской. Таким образом, работодатель, т.е. госорган должен

принять все меры к тому, чтобы исполнить это право на научное творчество и не создавать необоснованных препятствий к нему, если сотрудник желает использовать это свое право.

Под использованием права на научное творчество мы понимаем в силу осознания лицом возможности для добровольного принятия решения в вопросах использования права либо отказа от этого действия. Благодаря свободе научного творчества право на его реализацию охватывает широкий диапазон правовых возможностей, имеющихся для этого. Но эти права в систематизированном виде нигде не представлены, что создает затруднения в вопросах применения и обеспечения.

Под применением права о научном творчестве мы понимаем властно-распорядительную, организационно-правовую деятельность органов власти либо управления, уполномоченных принимать решения для реализации права, издания актов правового назначения, предписаний и др., требующих соблюдения.

Право на научное творчество переходит из субъективной реализации в сферу применения, когда возникают отношения, связанные с необходимостью его правового оформления.

Право на научное творчество также становится особым объектом правоприменительной деятельности как одного из направлений реализации права в тех случаях, когда субъект берет на себя обязательства по выдаче конкретных результатов на профессиональной, договорной, грантовой или экспертной системе, переходя под контроль и надзор уполномоченных лиц. Свобода и право на научное творчество в рамках применения норм права являются предметом регулирования, деятельности уполномоченных органов власти и их должностных лиц.

Поэтому в применении норм права должны быть четко установлены пределы оценки качества проведенных научных работ, правомерности занятия научной деятельностью. В нормативно-правовой регламентации пока нет единых требований к качественному оцениванию (не количественному), не разработаны единые стандарты и критерии. Не принят также и единый кодекс научной этики. В большей же части субъекты применения права о научном творчестве обходятся либо локальным нормотворчеством, либо сложившимися годами и устоявшимися обычаями научного делового оборота.

Заключение. Таким образом, данная часть исследования позволила получить выводы из сравнительно-правового анализа о том, что «право на свободу научного творчества» шире и акцентирует независимость и условия, а «право на занятие научным творчеством» – фактическую возможность заниматься наукой как видом деятельности, следовательно, это близкие, но не идентичные понятия.

Если право на свободу научного творчества получило более широкое освещение в научной литературе (преимущественно в конституционно-правовой доктрине), то право на научное творчество и вопросы его реализации исследованы фрагментарно. Вопросы реализации права на научное творчество представляется нужным рассматривать с точки зрения процессуального метода (подхода).

Правовое регулирование исследуемого объекта (реализации права на научное творчество) не охватывает весь комплекс общественных отношений. При очевидной специфике необходима единая концептуальная систематизированная регламентация, построенная на основе имеющихся межотраслевых источников либо требующая новых подходов. Необходимо представить механизм реализации права на свободу и осуществление научного творчества в рамочном виде, предложить классификацию в зависимости от видов (сфер) научного творчества.

Механизм реализации права на научное творчество это установленный нормативно-правовыми правилами и конкретными фактическими обстоятельствами (психологически-

ми, социальными, экономическими) обусловленный специфический порядок, состоящий из нескольких алгоритмов взаимодействия участвующих в этом процессе лиц (субъектов).

Литература

1. Ленчук Е. Б. Роль государства в управлении научно-технологическим развитием: от теории к замене // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2025. №2. С. 11-22.
2. Лапаева В. В. Свобода научного творчества как фактор обеспечения технологического суверенитета России // Управление наукой: теория и практика. 2023. Т. 5, № 4. С. 14–26.
3. Шутова В. Н. Проблемы правового регулирования и реализации свободы творчества // Пролог: журнал о праве. 2017. №2. С. 3-6.
4. Романовская О. В. Конституционное право на свободу научного творчества: содержание, ограничения, проблемы регулирования // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. №3 (59). С. 5-17.
5. Авдулов Н. С. Наука и инновации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2008. №3. С. 6-15.
6. Гумеров Л. А. Свобода научно-технического творчества в системе прав человека // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2012. №4. С. 16-24.
7. Ситдикова Р. И. Конституционно-правовые гарантии охраны творчества // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2011. №4. С. 113-122.
8. Корякина, З. И. Правовое регулирование участия субъектов – физических лиц в научной и (или) научно-технической деятельности (часть первая) / З. И. Корякина // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: История. Политология. Право. – 2023. № 3(31). С. 25-30.
9. Корякина, З. И. Правовое регулирование участия субъектов – физических лиц в научной и (или) научно-технической деятельности (часть вторая) / З. И. Корякина // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: История. Политология. Право. – 2024. № 4(36). С. 41-47.
10. Хакимов И. А. К вопросу о механизме обеспечения реализации права // Вестник СГЮА. 2014. №1 (96). С. 191-194.
11. Флитер Я. С. Свобода научного творчества в контексте законодательства о науке и малых технологических компаниях: вызовы и перспективы // Право и практика. 2024. №2. С. 83-89.
12. Соколова Т. В. Конституционные основы правового регулирования труда научных работников // Право и управление. 2022. №8. С. 169-173.
13. Усанов Д. О. Понятие механизма реализации прав и свобод человека и гражданина: современные подходы к изучению проблемы // Universum: экономика и юриспруденция. 2016. №12 (33).
14. Максимов Г. Б. Сущность механизма реализации права // Право и практика. 2015. №1. С. 10-15.
15. Кутько В. В., Бодрухин А. П., Нестеренко В. В. Формы реализации права и механизм их осуществления // Право и государство: теория и практика. 2025. №6. С. 94-96.

References

1. Lenchuk EB. Role of the state in managing scientific and technological development: from theory to substitution. *Intellect. Innov. Invest.* 2025;(2):11-22.
2. Lapaeva VV. Freedom of scientific creativity as a factor ensuring Russia's technological sovereignty. *Sci. Manag. Theory Pract.* 2023;5(4):14-26.
3. Shutova VN. Problems of legal regulation and implementation of freedom of creativity. *Prologue: Law J.* 2017;(2):3-6.
4. Romanovskaya OV. The constitutional right to freedom of scientific creativity: content, limitations, regulatory problems. *Univ. Proc. Volga Reg. Soc. Sci.* 2021;3(59):5-17.
5. Avdulov NS. Science and innovation. *State Munic. Manag. Sci. Notes.* 2008;(3):6-15.
6. Gumerov LA. Freedom of scientific and technical creativity in the human rights system. *Sci. Notes Kazan Univ. Humanit. Sci. Ser.* 2012;(4):16-24.
7. Sitdikova RI. Constitutional and legal guarantees for the protection of creativity. *Sci. Notes Kazan Univ. Humanit. Sci. Ser.* 2011;(4):113-122.

8. Koryakina ZI. Legal regulation of the participation of individual subjects in scientific and (or) scientific-technical activities (part one). Vestn. North-Eastern Fed. Univ. named after M.K. Ammosov. Ser.: Hist. Polit. Law. 2023;3(31):25-30.
9. Koryakina ZI. Legal regulation of the participation of individual subjects in scientific and (or) scientific-technical activities (part two). Vestn. North-Eastern Fed. Univ. named after M.K. Ammosov. Ser.: Hist. Polit. Law. 2024;4(36):41-47.
10. Khakimov IA. On the issue of the mechanism for ensuring the implementation of law. Vestn. SGLA. 2014;1(96):191-194.
11. Fliter YaS. Freedom of scientific creativity in the context of legislation on science and small technology companies: challenges and prospects. Law Pract. 2024;(2):83-89.
12. Sokolova TV. Constitutional foundations of legal regulation of the work of scientific workers. Law Manag. 2022;(8):169-173.
13. Usanov DO. The concept of the mechanism for implementing human and civil rights and freedoms: modern approaches to studying the problem. Universum: Econ. Law. 2016;12(33).
14. Maksimov GB. The essence of the mechanism of implementation of law. Law Pract. 2015;(1):10-15.
15. Kutko VV, Bodrukhin AP, Nesterenko VV. Forms of implementation of law and the mechanism of their implementation. Law State: Theory Pract. 2025;(6):94-96.

Сведения об авторе

КОРЯКИНА Зинаида Ивановна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, юридический факультет, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, e-mail: Z_koryakina@mail.ru

About the author

KORYAKINA Zinaida Ivanovna – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of of Criminal Law Disciplines, North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation. e-mail: Z_koryakina@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares that he has no conflict of interest.

Поступила в редакцию / Received 05.06.2026

Поступила после рецензирования/ Revised 10.08.2026

Принята к публикации / Accepted 06.09.2026

УДК 343.3/.7

<https://doi.org/10.25587/2587-5612-2026-3-20-27>

Оригинальная научная статья

Защита отношений в сфере спорта: разграничение дисциплинарных и уголовно наказуемых нарушений

А.А. Павлова

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск, Российская Федерация

✉ arzulana@bk.ru

Аннотация. В статье исследуются объекты уголовно-правовой охраны в сфере спорта и критерии разграничения дисциплинарных нарушений и уголовно наказуемых деяний. На основе формально-юридического и криминологического анализа показано, что преступное вмешательство в спортивную деятельность посягает на здоровье человека, достоверность спортивного результата, общественный порядок и имущественные интересы участников рынка. Рассмотрены квалификационные проблемы по следующим направлениям: антидопинговые нарушения (ст. 230.1, 230.2, 184.1 УК РФ) и их соотношение с общими составами против здоровья личности; коррупционные проявления, включая противоправное влияние на результат соревнований (ст. 184 УК РФ), коммерческий подкуп и взяточничество; насилие и принуждение в тренировочном процессе; преступления в цифровой среде (договорные матчи, манипулирование ставками и трансляциями). Обоснован комплексный подход к квалификации, при котором специальный спортивный состав применяется наряду с нормами, охраняющими личность и порядок. Сформулированы критерии криминализации нарушений в спорте: реальный вред охраняемым интересам, существенность посягательства на достоверность результата, общественная опасность способа деяния, использование зависимого положения спортсмена, трансграничный характер схем. Сделан вывод о том, что задача уголовного права состоит не в подмене дисциплинарного спортивного регулирования, а в защите отношений, не обеспечиваемых дисциплинарными средствами; предложены направления профилактики спортивной преступности.

Ключевые слова: спорт; уголовно-правовая охрана; дисциплинарная ответственность; допинг; ст. 230.1 УК РФ; ст. 184 УК РФ; противоправное влияние на результат соревнования; договорные матчи; коррупция в спорте; насилие в спорте; цифровая среда; квалификация преступлений.

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки.

Для цитирования: Павлова А.А. Уголовно-правовая охрана общественных отношений в сфере спорта: риски, объекты посягательства и критерии криминализации. *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Vestnik of North-Eastern Federal University. Серия «Общественные науки. Social science»*. 2026, № 3(43): С. 20-27. DOI: 10.25587/2587-5612-2026-3-20-27

Original article

Protection of Relations in the Sphere of Sports: Distinguishing between Disciplinary Offenses and Criminal Offenses

Arzulana A. Pavlova

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University,
Yakutsk, Russian Federation

✉ arzulana@bk.ru

Abstract. The article examines the objects of criminal law protection in the sphere of sports and the criteria for distinguishing disciplinary offenses from criminal offenses. Drawing on formal legal and criminological analysis, the author shows that criminal interference in sports encroaches upon human health, the integrity of sports results, public order, and the property interests of market participants. Qualification

problems are considered in the following areas: anti-doping violations (Articles 230.1, 230.2 and 184.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) and their correlation with general offenses against personal health; corruption, including unlawful influence on the results of competitions (Article 184 of the Criminal Code), commercial bribery and bribery of officials; violence and coercion in the training process; crimes in the digital environment (match-fixing, manipulation of betting and broadcasts). A comprehensive approach to qualification is substantiated, under which the special sports-related offense is applied alongside the provisions protecting the individual and public order. The article formulates criteria for criminalizing violations in sports: actual harm to legally protected interests, the material nature of the encroachment on the integrity of the result, the socially dangerous nature of the method of the act, the use of the athlete's dependent position, and the transnational nature of criminal schemes. It is concluded that the task of criminal law is not to replace disciplinary sports regulation, but to protect relations that cannot be effectively secured by disciplinary means alone; directions for the prevention of sports-related crime are proposed.

Keywords: sports; criminal law protection; disciplinary liability; doping; Article 230.1 of the Criminal Code of the Russian Federation; Article 184 of the Criminal Code of the Russian Federation; unlawful influence on the results of competitions; match-fixing; corruption in sports; violence in sports; digital environment; qualification of crimes.

Funding. No funding was received for writing this manuscript.

For citation: Pavlova Arzulana A. Protection of Relations in the Sphere of Sports: Distinguishing between Disciplinary Offenses and Criminal Offenses. *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Vestnik of North-Eastern Federal University. Серия «Общественные науки. Social science»*. 2026, № 3(43): С. 20-27. DOI: 10.25587/2587-5612-2026-3-20-27

Введение

Современная спортивная сфера представляет собой комплексную систему отношений – договорных, управленческих, медицинских, финансовых и информационных, – в которой пересекаются интересы спортсменов, тренеров, клубов, федераций, судей, спонсоров и букмекеров. Вследствие этого нарушение спортивных правил может носить как характер внутреннего дисциплинарного проступка, так и затрагивать охраняемые уголовным законом общественные отношения: здоровье человека, достоверность спортивного результата, общественный порядок, имущественные интересы участников рынка и безопасность зрителей.

Актуальность исследования обусловлена ростом экономической и символической ценности спортивного результата, коммерциализацией спорта, цифровизацией ставок и трансляций, а также международным характером соревнований, что расширяет возможности для криминального вмешательства и затрудняет расследование трансграничных схем. Цель статьи – выявить объекты уголовно-правовой охраны в сфере спорта, проанализировать применимые к ним уголовно-правовые нормы и обосновать критерии, позволяющие разграничить дисциплинарные нарушения и уголовно наказуемые деяния.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляют формально-юридический метод, системный анализ, сравнительно-правовой подход, а также методы криминологического анализа. Нормативную базу составляют Конституция РФ, Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ), Кодекс РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [3], в том числе его статья 26.2, устанавливающая основы предотвращения противоправного влияния на результаты официальных спортивных соревнований [3], и иные профильные нормативные акты.

Результаты и обсуждение

Постановка проблемы. Воспитательная роль спорта традиционно связывается с формированием дисциплины, уважения к сопернику и готовности соблюдать правила. Одна-

ко для уголовно-правового анализа релевантен иной аспект: преступное вмешательство в спорт подрывает отношения, обуславливающие социальную значимость данной сферы. Подкуп результата соревнования, склонение спортсмена к применению запрещённых препаратов либо использование тренером зависимости спортсмена в целях давления выходят за рамки утраты спортивной этики и ставят под угрозу охраняемые законом интересы личности и общества [10]. Массовость спорта, объединяющая болельщиков, медиа, организаторов, охранные структуры и коммерческих партнёров, одновременно формирует дополнительные криминогенные риски. Конфликт на трибунах, угрозы в адрес судьи, организованные ставки либо использование спортивного мероприятия в качестве площадки для провокации причиняют вред, выходящий за пределы интересов отдельной команды. В таких случаях уголовно-правовая реакция обусловлена не стремлением государства ограничить автономию спорта, а необходимостью защиты общественного порядка и безопасности участников публичного мероприятия (ст. 213 УК РФ «Хулиганство», ст. 212 УК РФ «Массовые беспорядки») [1; 7].

Спорт реализует воспитательную, оздоровительную, экономическую, интегративную и политическую функции, каждая из которых имеет криминологически значимую обратную сторону: коммерциализация способствует распространению коррупции и договорных матчей, стремление к результату может приводить к допингу, массовость соревнований – к насилию, а цифровизация – к новым формам незаконных ставок и информационных манипуляций.

Допинг. В антидопинговом регулировании случаи применения запрещённых субстанций квалифицируются в первую очередь как нарушение антидопинговых правил и влекут дисциплинарную (дисквалификация, аннулирование результата) и административную ответственность (ст. 6.18 КоАП РФ) [2; 6]. Однако такой подход недостаточен для уголовно-правовой оценки поведения третьих лиц – тренеров, врачей и иных специалистов, навязывающих спортсмену запрещённые субстанции и методы.

Специальные составы установлены ст. 230.1 УК РФ («Склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещённых для использования в спорте») и ст. 230.2 УК РФ («Использование в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещённых для использования в спорте»), введёнными Федеральным законом от 22.11.2016 № 392-ФЗ. Субъектом обоих составов выступают тренер, специалист по спортивной медицине либо иной специалист в области физической культуры и спорта; квалифицирующими признаками – совершение деяния группой лиц по предварительному сговору, в отношении заведомо несовершеннолетнего спортсмена либо двух и более спортсменов, с применением шантажа, насилия или угрозы его применения; наиболее строгая санкция (ч. 3 обеих статей) предусмотрена за деяния, повлёкшие по неосторожности смерть спортсмена или иные тяжкие последствия [1; 4; 11; 13]. Перечень запрещённых субстанций и методов для целей ст. 230.1 и 230.2 УК РФ утверждается Правительством РФ [5].

Ст. 230 УК РФ применяется лишь в специальной ситуации – когда склонение осуществляется к потреблению наркотических средств или психотропных веществ, входящих в официальный перечень; при конкуренции норм приоритет отдаётся специальному составу ст. 230.1 УК РФ, поскольку её предмет охватывает любые запрещённые субстанции и методы, а не только наркотические. Кроме того, нарушение антидопинговых правил, повлёкшее по неосторожности смерть человека, тяжкий вред здоровью или иные тяжкие последствия, образует самостоятельный состав ст. 184.1 УК РФ [1; 14].

Ключевое значение при квалификации имеет установление инициатора применения запрещённого препарата, осведомлённости спортсмена о медицинском риске, его возраста,

а также наличия зависимости от тренера или врача. Когда применение допинга становится элементом системы подготовки, а отказ от него фактически угрожает спортивной карьере, вред причиняется не только принципу честности соревнования, но и здоровью человека. В этом случае возможна дополнительная квалификация по нормам, охраняющим здоровье личности: по ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью) или ст. 112 УК РФ – при условии доказанности причинной связи между применением препарата и наступившим вредом здоровью соответствующей тяжести. Сам по себе факт положительной допинг-пробы этих составов не образует: он свидетельствует лишь о нарушении антидопинговых правил. Действия лиц, организовавших применение допинга, могут также сопрягаться с иными составами (например, мошенничество – ст. 159 УК РФ, злоупотребление полномочиями – ст. 201 УК РФ при управленческих функциях в организации), при этом они квалифицируются по специальным нормам как исполнители или соучастники склонения, а не как «пособники к нарушению антидопинговых правил», поскольку такого самостоятельного состава законодательство не содержит.

Важно различать случаи, когда спортсмен самостоятельно принимает решение о применении запрещённых средств, и ситуации, в которых его склоняют, вводят в заблуждение либо ставят в зависимость от тренера, врача, агента или руководителя команды. Для уголовного права ключевым является не сам факт положительной пробы, а противоправная деятельность лиц, организовавших, навязавших или обеспечивших применение допинга: ответственность за неё несут третьи лица, тогда как сам спортсмен отвечает в дисциплинарном и административном порядке.

Коррупционная составляющая. Экономический аспект спортивной преступности проявляется через конкретные механизмы извлечения выгоды: трансляционные права, спонсорские контракты, премии, трансферы, государственные субсидии и букмекерские ставки превращают спортивный результат в финансовый ресурс. Подкуп судьи или спортсмена в таких условиях одновременно затрагивает честность состязания, имущественные интересы участников рынка и доверие зрителей.

Основным специальным составом здесь выступает ст. 184 УК РФ «Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса»: её ч. 1 охватывает передачу спортсмену, спортивному судье, тренеру, руководителю спортивной команды, другому участнику или организатору соревнования денег, ценных бумаг, иного имущества либо услуг имущественного характера в целях противоправного влияния на результат (а равно принуждение или склонение к такому влиянию), ч. 3 – получение таких средств указанными лицами, ч. 4 – те же деяния, совершённые спортивным судьёй или организатором соревнования [1; 5; 15]. Подкуп же лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих или иных организациях (руководителей клубов, федераций, агентов), при отсутствии признаков ст. 184 УК РФ оценивается по ст. 204 УК РФ («Коммерческий подкуп»), поскольку спортивный судья не выполняет управленческих функций и к субъекту ст. 204 УК РФ не относится. Взятка по ст. 290, 291 УК РФ вменяется только при передаче выгод должностным лицам (например, сотрудникам государственных органов, осуществляющих контроль в сфере спорта); таким образом, применение этих норм зависит от статуса получателя, а не от сферы, в которой происходит подкуп [1; 9].

Дополнительно подлежат применению: ст. 159 УК РФ («Мошенничество») – при хищении бюджетных средств, выделенных на подготовку спортсменов, строительство объектов, проведение соревнований; ст. 174 УК РФ («Легализация (отмывание) денежных средств») – если доходы от преступной деятельности в спортивной сфере используются для придания им правомерного вида [1].

Особую сложность представляет выявление коррупционных схем, маскирующихся под управленческие решения: предоставление контрактов родственникам, обещания должностей, неформальное влияние на судейство, распределение квот и финансирования. В спортивной системе такие действия особенно опасны из-за высокой роли доверия: зритель, спортсмен и спонсор исходят из того, что результат определяется правилами, а не скрытой договорённостью [16].

Насилие и принуждение. При оценке насилия в спорте недостаточно ограничиваться вопросом о наличии физического контакта. В одних видах спорта контакт допускается правилами, в других аналогичное действие сразу выходит за пределы допустимого спортивного риска. Решающее значение имеют момент совершения эпизода, умысел, правила конкретного вида спорта и последствия для потерпевшего. Например, удар в рамках разрешённого игрового действия и удар после остановки матча представляют собой принципиально разные ситуации.

Аналогично в тренировочном процессе высокая нагрузка может быть допустимой, тогда как систематическое унижение, угрозы или принуждение к опасным действиям не могут оправдываться ссылками на спортивную дисциплину. Такие действия могут квалифицироваться по ст. 117 УК РФ («Истязание»), ст. 119 УК РФ («Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью»). Ст. 286 УК РФ («Превышение должностных полномочий») применима лишь в том случае, если насилие исходит от должностного лица – например, тренера государственной спортивной школы, сотрудника органа управления спортом; для тренера или врача частной организации надлежающей нормой выступает ст. 201 УК РФ («Злоупотребление полномочиями») либо соответствующие составы против личности [1; 8].

Цифровая среда. Цифровая трансформация спортивной индустрии (онлайн-ставки, трансляции, базы персональных данных, цифровые платежи) расширяет возможности для манипулирования результатами, незаконного получения информации и вовлечения новых участников в преступные схемы. Договорные матчи могут организовываться через мессенджеры, финансовые следы проходить через электронные платежи, а давление на спортсмена осуществляться публично или анонимно через цифровые каналы [12].

Для расследования таких преступлений особую доказательственную ценность приобретают электронная переписка, данные платёжных систем, история ставок, IP-адреса, сведения о трансляциях и движении денежных средств. При этом преступники используют иностранные платформы, анонимные аккаунты, посреднические кошельки и распределённые схемы коммуникации, что требует от правоохранительных органов компетенций в области цифровой криминалистики и международного сотрудничества.

Квалификация деяний в цифровой среде возможна по следующим составам:

- ст. 184 УК РФ «Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса» – при организации договорных матчей;
- ст. 159 УК РФ и ст. 174 УК РФ – при мошенничестве и легализации доходов от ставок;
- ст. 272 УК РФ («Неправомерный доступ к компьютерной информации») и ст. 273 УК РФ («Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ») – при взломе баз данных, фальсификации статистики, манипулировании трансляциями [1; 7].

Критерии разграничения дисциплинарных и уголовно наказуемых нарушений. Следует подчеркнуть принципиальное ограничение: нарушение спортивного регламента само по себе не образует состава преступления. Ошибки арбитра, конфликты после игры или на-

рушения внутреннего порядка клуба подлежат рассмотрению в рамках дисциплинарной юрисдикции. Уголовно-правовая оценка уместна при наличии общественно опасных последствий либо признаков противоправного поведения – в частности, угрозы здоровью, корыстного влияния на результат, насилия, использования зависимого положения спортсмена, подкупа либо реализации заранее согласованной схемы извлечения выгоды.

Такое разграничение позволяет избежать избыточного уголовного контроля над спортом и одновременно обеспечить правовую оценку деяний, выходящих за пределы спортивной автономии. Ключевыми критериями криминализации выступают:

1. Наличие реального вреда охраняемым законом интересам – здоровью человека, имуществу, общественному порядку и общественной безопасности.
2. Существенность посягательства на достоверность спортивного результата – его влияние не на отдельную встречу, а на сохранность целого института честного состязания и доверия к спорту как таковому.
3. Общественная опасность способа деяния: масштаб, систематичность, использование служебного положения, вовлечение несовершеннолетних, применение шантажа и насилия.
4. Использование зависимого положения спортсмена (от тренера, клуба, федерации) для принуждения к противоправному поведению.
5. Трансграничный и организованный характер преступных схем, затрудняющий их пресечение дисциплинарными средствами.

Заключение

Таким образом, объектами уголовно-правовой охраны в сфере спорта выступают: здоровье и свобода личности (прежде всего спортсмена), общественный порядок и безопасность при проведении массовых мероприятий, имущественные интересы участников спортивного рынка, а также самостоятельный социальный интерес – достоверность спортивного результата как условие сохранения воспитательной и интегративной функции спорта. Уголовно-правовая охрана спорта обусловлена не только его социальной значимостью, но и специфическими рисками, возникающими в профессиональной и массовой спортивной деятельности. Задача уголовного права состоит не в подмене спортивного регулирования (дисциплинарные санкции, положения федераций, ст. 26.2 Федерального закона № 329-ФЗ), а в защите тех отношений, которые не могут быть эффективно обеспечены исключительно дисциплинарными средствами. Эффективная профилактика спортивной преступности должна включать не только запреты, но и механизмы выявления конфликта интересов, контроля финансовых связей, защиты спортсменов от неправомерного влияния, а также развитие каналов обращения для лиц, сообщающих о нарушениях.

Перспективным направлением дальнейших исследований является разработка междотраслевых моделей взаимодействия спортивных федераций, антидопинговых агентств и правоохранительных органов, а также совершенствование уголовно-правовых норм с учётом цифровой трансформации спортивной индустрии.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. I). – Ст. 1.
3. Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 50. – Ст. 6242.
4. Федеральный закон от 22.11.2016 № 392-ФЗ «О внесении изменений в статьи 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации».

5. Постановление Правительства РФ от 28.03.2017 № 339 «Об утверждении перечня субстанций и (или) методов, запрещённых для использования в спорте, для целей статей 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Приказ Министерства спорта РФ от 24.06.2021 № 464 «Об утверждении общероссийских анти-допинговых правил» // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершённых из хулиганских побуждений» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Противодействие коррупции в спорте : памятка, разработанная Генеральной прокуратурой РФ совместно с Министерством спорта РФ. – URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/ec8/corruption_sport.pdf.
10. Мосина С. В. Уголовно-правовые меры противодействия преступлениям, совершаемым при подготовке и проведении спортивных соревнований : дис. ... канд. юрид. наук / С. В. Мосина. – Екатеринбург, 2016. – 179 с.
11. Суслопаров И. А. Психологическое и физическое воздействие на спортсмена в рамках статей 230.1 и 230.2 УК РФ / И. А. Суслопаров, А. С. Кучева // Новый юридический вестник. – 2020. – № 5 (19). – С. 20–24.
12. Сулейманов С. К. О вопросах манипулирования соревнованиями в действующем уголовном законодательстве Российской Федерации / С. К. Сулейманов // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 11 (227). – С. 496–499. – DOI: 10.47643/1815-1337_2023_11_496.
13. Хиневич К. И. Проблемы предупреждения склонения спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещённых для использования в спорте (допинг) / К. И. Хиневич // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 6. – С. 151–154.
14. Кошаева Т. О. К вопросу об установлении уголовной ответственности за нарушения законодательства о допинге / Т. О. Кошаева // Журнал российского права. – 2017. – № 6. – С. 97–105.
15. Белоусова М. В. Уголовно-правовая охрана спортивных мероприятий от манипуляций / М. В. Белоусова // Журнал российского права. – 2015. – № 4. – С. 96–103.
16. Цветков П. В. Некоторые вопросы квалификации преступлений в области спорта и при проведении зрелищных коммерческих конкурсов / П. В. Цветков // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2018. – № 2 (43). – С. 322–325.

References

1. Uголовnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (s izm. i dop.) // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 1996. – № 25. – St. 2954.
2. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah ot 30.12.2001 № 195-FZ (s izm. i dop.) // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2002. – № 1 (ch. I). – St. 1.
3. Federal'nyj zakon ot 04.12.2007 № 329-FZ «O fizicheskoy kul'ture i sporte v Rossijskoj Federacii» (s izm. i dop.) // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2007. – № 50. – St. 6242.
4. Federal'nyj zakon ot 22.11.2016 № 392-FZ «O vnesenii izmenenij v stat'i 230.1 i 230.2 Uголовnogo kodeksa Rossijskoj Federacii».
5. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 28.03.2017 № 339 «Ob utverzhdenii perechnya substancij i (ili) metodov, zapreshchyonnyh dlya ispol'zovaniya v sporte, dlya celej statej 230.1 i 230.2 Uголовnogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
6. Prikaz Ministerstva sporta RF ot 24.06.2021 № 464 «Ob utverzhdenii obshcherossijskih antidopingovyh pravil» // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii www.pravo.gov.ru.
7. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 15.11.2007 № 45 «O sudebnoj praktike po ugovolnym delam o huliganstve i inyh prestupleniyah, sovershyonnyh iz huliganskikh pobuzhdenij» // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
8. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 16.10.2009 № 19 «O sudebnoj praktike po delam o zloupotreblenii dolzhnostnymi polnomochiyami i o prevyshenii dolzhnostnyh polnomochij» // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

9. Protivodejstvie korruptcii v sporte : pamyatka, razrabotannaya General'noj prokuraturoj RF sovmestno s Ministerstvom sporta RF. – URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/ec8/corruption_sport.pdf.

10. Mosina S. V. Uголовно-pravovye mery protivodejstviya prestupleniyam, sovershaemym pri podgotovke i provedenii sportivnyh sorevnovanij : dis. ... kand. yurid. nauk / S. V. Mosina. – Ekaterinburg, 2016. – 179 s.

11. Susloparov I. A. Psihologicheskoe i fizicheskoe vozdejstvie na sportsmena v ramkah statej 230.1 i 230.2 UK RF / I. A. Susloparov, A. S. Kucheva // Novyj yuridicheskij vestnik. – 2020. – № 5 (19). – S. 20–24.

12. Sulejmanov S. K. O voprosah manipulirovaniya sorevnovaniyami v dejstvuyushchem uголовnom zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii / S. K. Sulejmanov // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2023. – № 11 (227). – S. 496–499. – DOI: 10.47643/1815-1337_2023_11_496.

13. Hinevich K. I. Problemy preduprezhdeniya skloneniya sportsmena k ispol'zovaniyu substancij i (ili) metodov, zapreshchennyh dlya ispol'zovaniya v sporte (doping) / K. I. Hinevich // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2019. – № 6. – S. 151–154.

14. Koshaeva T. O. K voprosu ob ustanovlenii uголовnoj otvetstvennosti za narusheniya zakonodatel'stva o dopinge / T. O. Koshaeva // Zhurnal rossijskogo prava. – 2017. – № 6. – S. 97–105.

15. Belousova M. V. Uголовно-pravovaya ohrana sportivnyh meropriyatij ot manipulyacij / M. V. Belousova // Zhurnal rossijskogo prava. – 2015. – № 4. – S. 96–103.

16. Cvetkov P. V. Nekotorye voprosy kvalifikacii prestuplenij v oblasti sporta i pri provedenii zrelishchnyh kommercheskih konkursov / P. V. Cvetkov // Biznes. Obrazovanie. Pravo. Vestnik Volgogradskogo instituta biznesa. – 2018. – № 2 (43). – S. 322–325.

Об авторе

ПАВЛОВА Арзулана Акрамовна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, юридический факультет, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, e-mail: arzulana@bk.ru

About the authors

PAVLOVA Arzulana Akramovna – Cand. Sci. (Law), Docent, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines, Faculty of Law, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, e-mail: arzulana@bk.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares that he has no conflict of interest.

Поступила в редакцию / Received 10.05.2026

Поступила после рецензирования/ Revised 25.07.2026

Принята к публикации / Accepted 14.08.2026

– ПОЛИТОЛОГИЯ –

УДК 323

<https://doi.org/10.25587/2587-5612-2026-3-28-37>

Оригинальная научная статья

Институциональные основы реализации региональной политики в России

Н.А. Григорьев

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,

г. Якутск, Российская Федерация

✉ nagrigoriev@mail.ru

Аннотация. *Цель статьи* – исследование становления институциональных основ управления региональной политикой в современной России в контексте федеративных отношений. *Научная проблема* исследования заключается в том, что региональная политика изучается в рамках системного подхода, при котором она повышает свою эффективность в условиях равноправного взаимодействия федеральных и региональных органов власти. *Материалы и методы:* в рамках теоретических основ исследования выделяются основные подходы, среди которых можно выделить *адресно-выравнивающий, селективный и геополитический подходы*. В последние годы наблюдается наиболее активная региональная политика в отношении наиболее перспективных макрорегионов – Дальний Восток и Арктика. *Институциональный подход* выделяет основных акторов – федеральные и региональные органы власти, практику их взаимодействия. В процессе адресного подхода региональной политики появляются институциональные нововведения в создании новых федеральных ведомств и корпораций, отвечающие за дальневосточную и арктическую политику. *Результаты и заключение:* региональные власти после возвращения практики прямых выборов глав субъектов повысили свою политическую субъектность и легитимность среди местного населения. Результаты их деятельности измеряются не только на результатах выборов, но и по основным критериям эффективности, которые определяет федеральный центр. Важнейшие индикаторы, это социальная политика, общие показатели в развитии экономики и притоке инвестиций, демография, меры по депопуляции населения. *Практическая значимость и перспективы исследования:* регионы и местные власти, обладая более значительным влиянием на реализацию региональной политики, усиливают эффективность данной политики, что сказывается на развитие равноправных отношений центр-регионов в рамках эволюции российского федерализма.

Ключевые слова: региональная политика, институционализация, федерализм, федеральный центр, регионы, главы субъектов, институты управления, индикаторы эффективности, Дальний Восток, Арктика

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки.

Для цитирования: Григорьев Н.А. Институциональные основы реализации региональной политики в России. *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Vestnik of North-Eastern Federal University. Серия «Общественные науки. Social science».* 2026, № 3(43): С. 28-37. DOI: 10.25587/2587-5612-2026-3-28-37

Original article

Institutional Foundations for the Implementation of Regional Policy in Russia

Grigoriev Nurgun A.

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

Yakutsk, Russian Federation

✉ nagrigoriev@mail.ru

Abstract. The purpose of this article is to study the development of institutional foundations for regional policy governance in modern Russia within the context of federal relations. The research objective is to study regional policy within the framework of a systems approach, which enhances its effectiveness through equal interaction between federal and regional authorities. Materials and Methods: Within the theoretical framework of the study, key approaches are identified, including the targeted-equalization, selective, and geopolitical approaches. In recent years, regional policy has been most active in the most promising macroregions – the Far East and the Arctic. The institutional approach highlights the key actors – federal and regional authorities – and their interaction practices. This targeted approach to regional policy has led to institutional innovations in the creation of new federal agencies and corporations responsible for Far Eastern and Arctic policy. Results and conclusion: After the return of direct elections of heads of constituent entities, regional authorities have increased their political agency and legitimacy among the local population. Their performance is measured not only by election results but also by key performance criteria determined by the federal center. Key indicators include social policy, overall economic development and investment inflows, demographics, and depopulation measures. Practical significance and prospects of the study: regions and local authorities, having greater influence over the implementation of regional policy, enhance the effectiveness of this policy, which impacts the development of equal relations between the center and the regions within the framework of the evolution of Russian federalism.

Keywords: regional policy, institutionalization, federalism, federal center, regions, heads of constituent entities, governance institutions, performance indicators, Far East, Arctic

Funding. No funding was received for writing this manuscript.

For citation: Grigoriev, N.A., “Institutional Foundations for the Implementation of Regional Policy in Russia. *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Vestnik of North-Eastern Federal University. Серия «Общественные науки. Social science»*. 2026, № 3(43): С. 28-37. DOI: 10.25587/2587-5612-2026-3-28-37

Введение

Актуальность изучения. В условиях развития федеративного устройства в России актуальным вопросом выступает реализация региональной политики. Данная тема является междисциплинарной, поскольку является объектом изучения различных наук – экономики, географии, политологии. Если в рамках экономико-географического подхода регион изучается с точки зрения его экономической специализации, освоения природных ресурсов и территориальных границ, политическая наука изучает вопросы региональной власти, динамику региональных внутривластных процессов, развитие взаимоотношений центральных и местных элит.

В последние годы перед нашей страной появились новые вызовы и угрозы в условиях постоянно меняющейся геополитической конфигурации в мире. Пандемия COVID-19 является не только медицинским или экономическим явлением, но и является фактором, оказывающий влияние на результаты выборов в различных странах мира. Понимая сложность противодействия эпидемии в таком большом государстве, российские федеральные власти во времена пандемии делегировали многие полномочия главам субъектов. В то время эксперты выделяли тему нового развития российского федерализма. Именно поэтому важно

проводить эффективную региональную политику, поскольку прогресс регионов является важным фактором в стабильности экономики, а также для общего стабильного социально-политического и этнополитического развития многонационального и многоконфессионального российского государства.

Цель изучения. В данном исследовании предполагается изучить эволюцию формирования институтов управления в реализации региональной политики в России – с 1990-х гг. по современное время. Часто менялись федеральные органы власти, отвечающие за данную политику – министерства и отдельные институты управления. *Теоретическая и практическая значимость работы:* региональная политика является важным фактором интеграции двух уровней власти – федерального центра и регионов. Поскольку от степени эффективности их взаимодействия зависят результаты в социально-экономическом развитии местных территорий и в других аспектах. Эффективность федеральных и региональных органов власти измеряется по разным критериям, среди которых и региональная политика.

Обзор литературы. Тема реализации региональной политики подробно исследована в трудах российских политологов и экономистов, таких как Е. Бухвальд, Е. Конищев, О. Кузнецова. Основные этапы российского федерализма были проанализированы М. Фарукшиным, Р. Туровским, А. Мочаловым. Тема исследования института региональной власти в современной России изучена в работах О. Дейнека, М. Назукиной, И. Палитай.

Материалы и методы. В федеративных государствах два уровня власти – федеральный центр и субъекты федерации проводят совместную политику развития территорий в социально-политическом и экономическом аспектах. Данная политика эволюционирует параллельно с развитием федеративных отношений в современной России. Поэтому, включая в объект исследования несколько сфер общественно-политической сферы, в статье используется *системный подход* [1]. При изучении теоретических подходов в региональной политике, применяется *адресный, выравнивающий подход* [2]. Суть данного подхода заключается в выравнивании развития регионов в социально-экономическом аспекте, через создание особых экономических зон, выделения больших объемов финансовой поддержки и др. При определении региона как наиболее перспективного по различным причинам, в рамках адресного подхода, используется *селективный подход*, при котором в регионе создаются точки роста развития. Также при исследовании региональной политики выделяют *факторы геополитики*. В регионах возникают ситуации, влияющие на межнациональные отношения, в силу непростой языковой и культурной ситуации. Усиливается конкуренция с рядом располагающимися сильными в экономическом и военном плане государствах.

Основными субъектами реализации региональной политики являются федеральные и региональные органы власти – министерства, ведомства, государственные комиссии, законодательные органы власти, главы субъектов и их администрации и др. Поэтому используется *институциональный подход*, при котором органы власти как политические институты отвечают за успехи в показателях региональной политики. В социальных науках активно применяется неинституциональный подход, при котором органы власти изучаются сквозь призму норм и правил поведения. В политической системе задействованы различные акторы, помимо политических институтов. Субъекты политики – институты, граждане, элиты стремятся воздействовать на власть с помощью различных функций и механизмов, формальных и неформальных норм [3].

Основная часть

Как было отмечено ранее, в Российской Федерации на процесс развития региональной политики большое значение влияют федеративные отношения. Для нашей многонациональной и многоконфессиональной страны не случайно был выбран именно такой вариант

государственно-территориального устройства. Практика зарубежных федераций показывает, что факторы многонациональности укрепляют их структуры институтов федерализма. В политической науке существуют различные концепции по данной теме, но большинство указывают на необходимость равноправной кооперации в уровне взаимодействия центральных и региональных органов власти (*«кооперативная теория»*) [4]. Федерализм понимается не просто как территориальное устройство, но и включает в себя процессы федерализации, политическую культуру и ценности, когда политические элиты и население поддерживают идеи федерации.

В России федеративные отношения прошли несколько этапов развития. После подписания Федеративного договора 1992 г. и принятия на всероссийском референдуме 1993 г. Конституции, в 1990-е гг. начинается процесс развития федерализма. Данный этап характеризуется децентрализацией и договорными отношениями с национальными республиками [5]. Среди населения в те годы появился запрос на новую, более стабильную политику в социально-экономической сфере. Федеральный центр усилил свои позиции в разграничении полномочий, региональные элиты уменьшили свою политическую субъектность, приняв больше роль административных менеджеров, отвечающие за важнейшие социально-политические показатели. Менялись механизмы выборности глав субъектов, когда после отмены прямых выборов в 2005 г., несколько снизилось влияние среди местного населения. На сегодня в России сложилась особая модель централизованного федерализма. Однако возвращение прямых выборов глав субъектов в 2012 г., при развитии основных федералистских институтов и практик – Совета Федерации, выборов, межбюджетных отношений, можно отметить постепенный, эволюционный процесс развития российского федерализма [6].

С момента образования Российской Федерации проводится целенаправленная региональная политика в различных сферах. Федеральные органы власти выпускают первые документы, касающиеся региональной политики. В условиях кризиса российской экономики в 1990-е гг. данная политика носила разнонаправленный характер, поскольку не были определены стратегия и задачи развития регионов. В те годы появляются первые органы власти, отвечающие за реализацию региональной политики. С этого момента можно говорить о формировании институционального оформления. Были различные варианты названий федеральных ведомств: Министерство РФ по делам национальностей и региональной политике, Министерство по делам национальностей и федеративным отношениям РФ, Госкомитет РФ по делам Севера и др. Как видно из названий, в те годы не разделяли по смыслу федеративные отношения, национальную и региональную политику.

Затем, в 2000-е гг. в условиях политики централизации, региональная политика немного утрачивает свою актуальность. Многие законы субъектов федерации были приведены в соответствие с общефедеральным законодательством. Реформированы Налоговый Кодекс и межбюджетные отношения, также, стали более централизованными. В 2000-е гг. появляются федеральные округа и институт Полномочных Представителей Президента. В 2014 г. было ликвидировано Министерство регионального развития, а его функции и полномочия были переданы другим федеральным ведомствам. Также, можно отметить в те годы общую стабилизацию и рост российской экономики, в результате чего была поддержка реформ со стороны региональных элит и населения, в целом.

Стали появляться новые институциональные нововведения, отвечающие за реализацию региональной политики. В 2007 г. была создана отдельная Государственная комиссия по вопросам социально-экономического развития Дальнего Востока, Республики Бурятия, Забайкальского края и Иркутской области. Данная комиссия координировала деятельность

федеральных и региональных органов власти в развитии местных территорий. С этого периода Дальний Восток стал выделяться как наиболее актуальный макрорегион с точки зрения объекта активной региональной политики. Позже, была создана аналогичная Правительственная комиссия по вопросам развития Северо-Кавказского федерального округа. В данном контексте были приняты во внимание геополитические факторы, по причине непростой этнополитической ситуации и недавно прошедших военных конфликтов на Северном Кавказе. К тому же присутствуют факторы экономической слабости регионов, являющиеся лидерами в дотационной поддержке со стороны федерального центра.

Дальний Восток России, действительно, нуждается в более активной политике развития. Здесь можно выделить различные факторы. Географическая отдаленность от федерального центра, сложные природные и климатические условия. Слабая транспортная инфраструктура и логистика определяют уровень цен на товары. Дорогие авиабилеты и все перечисленные факторы влияют на миграцию и депопуляцию населения и общий уровень жизни. К тому же, сказывается слабость местной промышленности, в которой большую долю занимает добывающий сектор, вместо обрабатывающего. Геополитический фактор в активизации региональной политики на Дальнем Востоке усиливает соседство со странами Азии, которые развивают быстрыми темпами свою экономику и военную сферу. Например, с Китайской Народной Республикой существует большая сухопутная граница, налажены глубокие экономические и межрегиональные связи в гуманитарной сфере. В настоящее время в мировой политике актуализируется и выходит на первый план Азиатско-Тихоокеанский регион. Российская внешняя политика стала более многовекторной под влиянием событий последних лет, что предопределило «поворот на Восток».

В 2012 году в составе федерального Правительства появляется отдельное Министерство по развитию Дальнего Востока. Первым министром был назначен бывший губернатор Хабаровского края В. Ишаев. Данному ведомству были переданы полномочия в сфере координации действий федеральных и региональных органов власти, вопросы развития инвестиционных проектов, реализации государственных программ развития и др. Значимость данного макрорегиона была усилена после появления отдельной должности вице-премьера в составе федерального правительства, курирующего вопросы развития Дальнего Востока, и которым стал Полномочный Представитель Президента в ДВФО Ю. Трутнев, обладающий авторитетом и сильными лоббистскими возможностями. Позже, подобные отдельные министерства появились в отношении Северного Кавказа и Крыма, но затем через несколько лет они были упразднены.

Результаты и обсуждение

После возвращения прямых выборов глав субъектов в 2012 году, у региональных властей возникла двойная ответственность – перед избравшим их местным населением, а также перед федеральным центром. Последние годы корректируется Перечень ключевых показателей эффективности субъектов, которые определяет федеральный центр. В ноябре 2024 г. был опубликован новый перечень, в котором выделяется уровень доверия местного населения к федеральным и региональным органам власти, индикаторы которого можно определить по результатам выборов и через данные социологических опросов¹. Основные ключевые индикаторы эффективности региональных властей направлены на общее социально-экономическое развитие регионов, демографические показатели, реализацию крупных инвестиционных проектов и др. Деятельность губернаторов также анализируют

¹Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21.12.2021 N 414-ФЗ. Справочная правовая система «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/ (дата обращения: 15.06.2026).

ются различными экспертно-аналитическими центрами по схожим направлениям индикаторов эффективности. Например, такие центры, как Центр Информационных Коммуникаций «Рейтинг», АНО «Диалог», «Минченко Консалтинг» составляют ежеквартальные и ежегодные рейтинги глав субъектов, в которых учитываются социально-экономические показатели, медийность, активность в электронных СМИ и в социальных сетях. Таким образом, данные индикаторы эффективности являются фактором в усилении реализации региональной политики, поскольку по ним во многом оцениваются результаты их деятельности. Не будем сбрасывать со счетов и легитимность со стороны местного населения, избирающий местную власть, которое может поддерживать проводимую политику. Например, среди населения существуют различные стереотипы образа идеального политического лидера, например, эффективный губернатор. В условиях снижения интереса к политике среди молодежи, проводятся исследования социально одобряемого главы субъекта в среде российской молодежи посредством оценки эффективности его деятельности, личностных качеств и коммуникации в блогах [8], [9]

В данное время реализуются наиболее активные меры региональной политики в отношении Дальневосточного региона. Ранее в работе была указана совокупность разных причин адресного, селективного подхода в такой политике. На сегодня существует только одно федеральное Министерство по развитию Дальнего Востока. Были приняты различные Концепции и Стратегии развития данного макрорегиона. В 2015 году появляется важное институциональное новшество – Корпорация развития Дальнего Востока. К функциям данной организации были определены координация инвестиционных проектов, развитие Свободного Порта Владивосток, реализация государственных программ, нацеленных на улучшение общих показателей жизни местного населения и др.². Необходимо отметить, что в 2000-е гг. идея создания единой государственной корпорации не встретила поддержки в правительстве, поскольку тогда не совсем были четко определены смысл и задачи ее деятельности. Однако, учитывая общую пространственную протяженность Дальнего Востока и нерешенность разных проблем, на первых этапах, возможно, требуется эффективное управление со стороны государственной власти.

Одним из важных институциональных новшеств являются территории опережающего социально-экономического развития (ТОРы), функционирующие в форме особых экономических зон. В них реализуются принципы свободной налоговой зоны для отечественных и иностранных инвесторов. Координируют и управляют им Министерство Дальнего Востока и Корпорация развития. Также был создан отдельный Фонд развития Дальнего Востока и Байкальского региона, оказывающий финансовую поддержку ТОРам. На сегодня функционируют 18 территорий, специализирующиеся на промышленности, сельском хозяйстве, логистике, туристическом кластере и т.д. Названия они получают больше по географическому расположению – Бурятия, Приморье, Сахалин, Курилы, Забайкалье, Камчатка, Хабаровск, Чукотка и др.

При анализе функционирования ТОРов возникает вопрос о степени координации в контроле федеральных и региональных органов власти. Регионы и местные власти должны обладать более значительным влиянием на функционирование особых экономических зон, ведь от этого зависят успешные результаты в реализации региональной политики, а также станет стимулом для развития эффективного взаимодействия федерального центра и регионов, и в целом, федеративных отношений. Как отмечают исследователи Е. Бухвальд и О. Иванов, региональная политика должна перейти к «саморазвитию», что означает

² Официальный сайт Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктике. URL: <https://minvnr.gov.ru/> (дата обращения: 15.06.2026).

большая субъектность регионов [10]. Важно, чтобы привлекалось местное население в освоение территорий и в деятельности ТОРов. Тем не менее, отмечается прирост инвестиций в регионах Дальнего Востока, снижение оттока населения. На начало 2021 г. на ТОРы привлечено 3 трлн 795 млрд руб., действует 497 резидентов, создавших более 88 тыс. рабочих мест [11].

В последние годы выделяется Артика как макрорегион, являющийся объектом активной региональной политики. Причины активизации схожи с дальневосточными, среди которых можно добавить богатые запасы ресурсов и редкоземельных металлов. Многие годы поднимается вопрос о развитии Северного Морского пути, который должен являться более экономически выгодным путем, связывающий Азию и Европу. К тому же, добавились факторы геополитики. Арктика, возможно, в будущем станет ареной конкуренции между ведущими арктическими державами [12]. Например, острые дискуссии вызывает вопрос о континентальных шельфах. В условиях «восточного поворота» российской внешней политики, активизируется взаимодействие со странами Азии, прежде всего с Китаем, в развитии Дальнего Востока, Северного Морского пути и Арктики. Например, жители Республики Саха (Якутия) возлагают большие надежды на строительство крупнейшего инфраструктурного проекта – Ленского моста через крупнейшую сибирскую реку Лену, зимой покрывающаяся льдами до весны. Строительство моста не только улучшит жизнь местного населения, но и станет крупным транспортным проектом в развитии Дальнего Востока и Арктики.

В 2020 году к функционировавшему Министерству Дальнего Востока прибавились задачи развития Арктического региона. Здесь возможно размытие целей и задач в развитии двух крупных макрорегионов, ведь арктический регион охватывает территории Западной Сибири и европейской части России. Первым министром Дальнего Востока и Арктики был назначен А. Чекунков. В 2020 году была утверждена Стратегия развития российской Арктики до 2035 г.³ В ней были обозначены основные вызовы и проблемы региона – изменения климата, отток населения, угрозы сохранения местной традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера в условиях промышленного освоения и др.

На сегодня Министерство Дальнего Востока и Арктики имеет широкую структуру управления, офисы которого находятся в Хабаровске, Владивостоке и Москве: Департамент развития Арктической зоны Российской Федерации и реализации инфраструктурных проектов; Департамент развития приоритетных территорий Дальнего Востока и Арктики⁴. Были созданы «Агентство Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта» и АНО «Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке и Арктике». Решая вопросы миграции местного населения, в разное время были приняты важные меры социальной поддержки: «дальневосточный гектар», льготная дальневосточная и арктическая ипотека, Свободный Порт Владивосток и др. В отношении Дальневосточного региона и Арктики федеральный центр активно применяет практику создания новых управленческих структур, что закрепляет институциональное оформление в реализации адресного, селективного подхода региональной политики.

Заключение

Таким образом, региональная политика является важным фактором интеграции федерального центра и регионов в развитии местных территорий. Федеративные отношения

³ Стратегия развития Арктической зоны России до 2035 г. URL: <https://base.garant.ru/74810556/> (дата обращения: 15.06.2026).

⁴ Официальный сайт Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктике. URL: <https://minvr.gov.ru/> (дата обращения: 15.06.2026).

в современной России эволюционируют под влиянием различных факторов, но на сегодня можно говорить о централизованной модели с перспективой дальнейшего развития. Политика централизации вертикали власти стала фактором в ослаблении политической субъектности региональных властей, что привело к увеличению их ответственности за выполнение ключевых показателей эффективности в различных социально-экономических вопросах. После возвращения прямых выборов глав субъектов добавилась ситуация необходимости поддержки местного населения, выражающаяся на результатах выборов и данных опросов.

В масштабах всей федерации пока не появилось единого института власти, выполняющего функции региональной политики в стране. В данное время реализуется адресный, выравнивающий подход в развитии регионов, а также селективный подход, при котором создаются приоритетные точки роста. К тому же добавляются факторы геополитики в отношении наиболее приоритетных макрорегионов. Именно в отношении Дальнего Востока и Арктики наблюдается создание новых институтов управления – Министерство развития Дальнего Востока и Арктики, Корпорация развития, регулирующие деятельность территорий опережающего социально-экономического развития.

Безусловно, выделение значительных объемов финансовой поддержки, принятие стратегий и концепций развития, появление новых органов власти, эксперименты в создании особых экономических зон дают значимые результаты по социально-экономическим показателям. Необходимо и в дальнейшем развивать не только количественные экономические показатели, но и качество жизни местного населения, так называемого «человеческого капитала» (уровень жизни и доходов, снижение депопуляции, сохранение льготных условий ипотечного кредитования и др.) Важно, чтобы в данном процессе большую субъектность получили региональные и местные органы власти. Ведь успех в реализации крупных проектов региональной политики зависит от качества взаимодействия различных уровней власти. В дальнейшем, все это повлияет и на развитие федеративных отношений.

Литература

1. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики (пер. с англ. А.Н. Нестеренко). М.1997: Фонд экономической книги «Начала». 180 с.
2. Региональная политика: зарубежные опыт и российские реалии / Под ред. А.В. Кузнецова, О.В. Кузнецовой. – М.: ИМЭМО РАН, 2015. 137 с.
3. Ротстайн Б. Политические институты: общие проблемы. Политическая наука: новые направления (пер. М.М. Гурвица, А.Л. Демчука, Т.В. Якушевой). М.: Вече. 1999.
4. Фарукшин М. Х. Институциональные основы этнических федераций // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 103-117.
5. Туровский Р.Ф. Российский квазифедерализм: состояние и перспективы. // К новой модели российского федерализма / Под общ. ред. А. Рябова, А. Захарова, О. Здравомысловой. – М.: Издательство «Весь Мир», 2013. – 328 с.
6. Туровский Р. Ф., Луизидис Е. М. Факторы губернаторских отставок в России // Полис. Политические исследования. 2022. № 4. С. 161-178.
7. Фарукшин М.Х. Состояние российского федерализма: взгляд из региона // Политическая наука. 2011. № 4. С. 97-119.
8. Дейнека О. С., Аверьянова С. А., Максименко А. А. Образ идеального губернатора в глазах российской молодежи // Полис. Политические исследования. 2025. № 2. С. 78-95.
9. Палитай И.С., Данилова А.С. 2020. Региональные руководители нового поколения: результаты политико-психологического анализа // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 54. С. 252-262.
10. Бухвальд Е.М., Иванов О.Б. Стратегия пространственного развития и основные направления ее актуализации // ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика. 2021. № 1. С. 7-23.

11. Конищев Е.С., Неткачев К.И. Особенности и риски функционирования территорий опережающего социально-экономического развития в России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. №10(2). С. 112-117.
12. Загорский А.В., Тодоров А.А. Военно-политическая обстановка в Арктике: очаги напряжённости и пути деэскалации // Арктика и Север. 2021. № 44. С. 79–102.
13. Мочалов А. Н. В поисках истоков многонационального федерализма // Полис. Политические исследования. 2021. № 1. С. 94-109.
14. Назукина М. В. Регионализм в «посланиях» глав субъектов РФ: дискурсивный аспект // Полис. Политические исследования. 2022. № 2. С. 68-82.
15. Сазонова О.А., Сазонова Н.В. Некоторые проблемы и перспективы развития российской Арктики в современных политических и экономических условиях // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2021. (1). С. 32-43.

References

1. Nort D. Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie ekonomiki (per. s angl. A.N. Nesterenko). M.1997: Fond ekonomicheskoy knigi «Nachala». 180 s.
2. Regional'naya politika: zarubezhnye opyt i rossijskie realii / Pod red. A.V. Kuznecova, O.V. Kuznecovoj. – M.: IMEMO RAN, 2015. 137 s.
3. Rotstajn B. Politicheskie instituty: obshchie problemy. Politicheskaya nauka: novye napravleniya (per. M.M. Gurvica, A.L. Demchuka, T.V. Yakushevoj). M.: Veche. 1999.
4. Farukshin M. H. Institucional'nye osnovy etnicheskikh federacij // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2017. № 2. S. 103-117.
5. Turovskij R.F. Rossijskij kvazifederalizm: sostoyanie i perspektivy. // K novej modeli rossijskogo federalizma / Pod obshch. red. A. Ryabova, A. Zaharova, O. Zdravomyslovoj. – M.: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2013. – 328 s.
6. Turovskij R. F., Luizidis E. M. Faktory gubernatorskih otstavok v Rossii // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2022. № 4. S. 161-178.
7. Farukshin M.H. Sostoyanie rossijskogo federalizma: vzglyad iz regiona // Politicheskaya nauka. 2011. № 4. S. 97-119.
8. Dejneka O. S., Aver'yanova S. A., Maksimenko A. A. Obraz ideal'nogo gubernatora v glazah rossijskoj molodezhi // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2025. № 2. S. 78-95.
9. Palitaj I.S., Danilova A.S. 2020. Regional'nye rukovoditeli novogo pokoleniya: rezul'taty politiko-psihologicheskogo analiza // Vestnik Tomsogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya. № 54. S. 252-262.
10. Buhval'd E.M., Ivanov O.B. Strategiya prostranstvennogo razvitiya i osnovnye napravleniya ee aktualizacii // ETAP: Ekonomicheskaya Teoriya, Analiz, Praktika. 2021. № 1. S. 7-23.
11. Konishchev E.S., Netkachev K.I. Osobennosti i riski funkcionirovaniya territorij operezhayushchego social'no-ekonomicheskogo razvitiya v Rossii // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2020. №10(2). S. 112-117.
12. Zagorskij A.V., Todorov A.A. Voенно-politicheskaya obstanovka v Arktike: ochagi napryazhyonnosti i puti deeskalacii // Arktika i Sever. 2021. № 44. S. 79–102.
13. Mochalov A. N. V poiskah istokov mnogonacional'nogo federalizma // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2021. № 1. S. 94-109.
14. Nazukina M. V. Regionalizm v «poslaniyah» glav sub'ektov RF: diskursivnyj aspekt // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2022. № 2. S. 68-82.
15. Sazonova O.A., Sazonova N.V. Nekotorye problemy i perspektivy razvitiya rossijskoj Arktiki v sovremennykh politicheskikh i ekonomicheskikh usloviyah // Arktika XXI vek. Gumanitarnye nauki. 2021. (1). S. 32-43.

Об авторе

ГРИГОРЬЕВ Ньургун Афанасьевич – кандидат политических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, AuthorID: 781034, SPIN: 3649-9539, e-mail: nagrigroriev@mail.ru

About the author

GRIGORIEV Nurgun Afanasyevich – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, AuthorID: 781034, SPIN: 3649-9539, e-mail: nagrigoriev@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares that he has no conflict of interest.

Поступила в редакцию / Received 11.07.2026

Поступила после рецензирования/ Revised 29.08.2026

Принята к публикации / Accepted 04.09.2026

**ВЕСТНИК СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМ. М. К. АММОСОВА
VESTNIK OF NORTH-EASTERN FEDERAL UNIVERSITY
СЕРИЯ «ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ.
«SOCIAL SCIENCE» SERIES**

Сетевое издание

№ 3 (43) 2026

Технический редактор *Н. Ю. Печетова*
Компьютерная верстка *А. М. Соловьева*
Оформление обложки *П. И. Антипин*

Формат 70x108/16.
Дата выхода в свет 30.09.2026.